

История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в "год великого перелома"

И. А. Тугаринов,

кандидат геолого-минералогических наук
Институт истории естествознания и техники АН СССР
Москва

СЕЙЧАС многие размышляют над тем, почему пробуксовывает советская наука. Рождаются проекты новых форм ее организации. Нередко при этом возникает соблазн по принципу «новое — забытое старое» реанимировать кое-какой опыт 20-х — начала 30-х годов. А хорошо ли мы разобрались в том опыте?

В этой статье нам предстоит взглянуть проясненными глазами на истинное предназначение могущественной научно-общественной организации, родившейся под громкие звуки фанфар в 1928 г. и лет десять спустя неприметно прекратившей свое существование. Ее название (в те времена над этим не думали) довольно неуклюже — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, или ВАРНИТСО (принятое сокращение почему-то не включало двух последних С).

Прежде чем перейти к рассказу о ВАРНИТСО, напомним, что в первое послереволюционное десятилетие в нашей стране сложилась система научных организаций, состоящая из трех ветвей: академической науки, ведомственной науки (включая вузовскую), подчиненной НТУ ВСНХ и наркоматам, и учреждений Коммунистической академии.

Собственно ведомственная наука в основном создавалась уже в советские годы (хотя по проектам и при участии старых специалистов). Государственный бюрократический аппарат считал ее своей и во многом контролировал. Комакадемия была еще более близким детищем власти и имела статус высшего научного учреждения страны, как и Академия наук СССР. Однако Академия уже с 1918 г. вызывала раздражение своей независимостью и элитарностью, что вело

к попыткам ее реорганизации. Ученым поначалу удалось приостановить эти попытки, обратившись непосредственно к Ленину.

Вскоре борьба за коренную реорганизацию Академии развернулась с новой силой. Она составляла часть общего процесса, в который были так или иначе вовлечены все научные учреждения и смысл которого сводился к замене ученых старого, традиционного воспитания учеными нового типа. Темпы этого процесса к 1926 г., когда начала выполняться программа индустриализации (XIV съезд ВКП(б) — декабрь 1925), перестали удовлетворять высшее руководство страны. Для ускорения требовались новые рычаги. Одним из них и послужила ВАРНИТСО.

Публикации прошлых лет рисовали деятельность ВАРНИТСО следующим образом. Вела широкую агитацию за повышение политической активности ученых и мобилизацию их на ударную работу во благо социализма. Занималась пропагандой марксистско-ленинского учения. Проводила митинги, демонстрации и конференции. Организовывала марксистско-ленинские университеты и семинары. Но вдумчивому читателю немало давала информация и о том, что в деятельности ВАРНИТСО на начальном этапе проявлялись «левацкие» настроения, стремления подменить работу профсоюзных органов, отношение к Академии наук как оплоту реакции в науке, а также о том, что конфликт с Академией наук под руководством ВКП(б) был ликвидирован в 1932 г.

Однако комплекс документов из Центрального государственного архива народ-

¹ Зак Л. М. Создание и деятельность ВАРНИТСО в 1927—1932 годах // История СССР. 1959. № 6. С. 94—107; Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения (1926—1932). Л., 1982; Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971; Он же. Наука и социалистическое строительство // Советская культура в реконструктивный период. М., 1988. С. 258—311.

ного хозяйства (ЦГАНХ), к которым только что открыт доступ, позволяет подробнее осветить эту сторону роли ВАРНИТСО в истории советской науки². В архивном фонде ВАРНИТСО особую ценность представляют материалы, относящиеся к периоду ее возникновения. Они обнаруживают скрытые мотивы и тактические планы готовящейся долговременной операции³.

Сама по себе идея союза ученых для содействия социалистическому строительству отвечала духу времени и шла снизу. Она возникла в 1926 г. сразу у нескольких групп ученых в разных городах страны. В частности, имеются документы, подписанные аспирантом И. И. Искольдским, который заручился поддержкой в создании подобного общества у члена президиума коллегии НТУ ВСНХ Л. К. Мартенса и наркома просвещения А. В. Луначарского. Однако дело взяли в свои руки другие люди.

АССОЦИАЦИЯ РАБОТНИКОВ НАУКИ И ТЕХНИКИ ИЛИ «ОТДЕЛ ГПУ»?

Принято считать началом в истории ВАРНИТСО 27 апреля 1927 г., когда впервые собралась инициативная группа по ее созданию, в которую вошли А. Н. Бах, А. И. Опарин, Б. И. Збарский и др. Позже она расширилась до 27 человек, подписавших опубликованную декларацию. Однако, как выяснилось, незадолго до этого, а именно 7 апреля 1927 г., состоялась совещание ведущих представителей аппарата управления наукой, названное в протоколе «Совещанием № 1», которое заложило идейные основы ВАРНИТСО и наметило состав инициативной группы, приемлемый по тактическим соображениям для опубликования в печати.

В нем участвовали А. Н. Бах — член коллегии ВСНХ, заместитель председателя президиума коллегии НТУ ВСНХ и директор Химического института им. Л. Я. Карпова, Б. И. Збарский — заместитель председателя президиума коллегии НТУ ВСНХ (и заместитель Баха по институту), А. Я. Вышинский — ректор И МГУ, Ф. Н. Петров — глава Ученого комитета при ЦИК СССР, В. М. Свердлов — председатель президиума коллегии НТУ ВСНХ, А. А. Ярилов — председатель Бюро съездов Госплана.

² ЦГАНХ. Ф. 4394. Оп. 1. Ед. хр. 1—7, 33. Далее документы из фонда ВАРНИТСО цитируются без ссылок. См. также: Тугаринов И. А. // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 46—55.

³ Об этом см., например: Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика (Воспоминания). Нью-Йорк, 1945; Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970). Berkeley—Los Angeles—London, 1984.

Председателем инициативной группы, автором проекта (и будущим председателем ВАРНИТСО) стал биохимик Алексей Николаевич Бах, личность яркая и противоречивая. Бывший народоловец, прошедший в эмиграции 32 года, талантливый ученый. В 1917 г. он вернулся в Россию. В 1918 г. активно сотрудничал с М. Горьким, а также опубликовал статью в эсеровском сборнике, направленную против большевиков. В 1923 г. в журнале «Пролетарское студенчество» вскрывал несостоятельность бергсоцианства, его связь с витализмом. В 1926 г. заявлял, что политикой не занимается⁴. Тогда же ему как заместителю председателя президиума коллегии НТУ ВСНХ были переданы фактически в подчинение все научно-исследовательские институты этого ведомства. В 1929 г. он был избран действительным членом АН СССР, совместно с А. И. Опариным создал Институт биохимии АН СССР и возглавлял его до 1946 г., т. е. до самой смерти.

Двумя наиболее активными деятелями ВАРНИТСО стали также Збарский и В. М. Свердлов. Борис Ильич Збарский еще студентом Женевского университета выполнял дипломную работу под руководством Баха. Вернувшись в Россию до революции, он заведовал лабораторией Бондюжских химических заводов, куда пригласил Баха сразу после его приезда из Женевы. Здесь они познакомились с видным большевиком Л. Я. Карповым, который позже привлек их для организации Центральной химической лаборатории при ВСНХ, превратившейся затем в Химический институт им. Л. Я. Карпова.

В конце 1920 г. в системе Наркомздрава был создан Биохимический институт с медицинским уклоном, который также возглавили Бах и его заместитель Збарский. В 1924 г. Збарский совместно с другими учеными участвовал в бальзамировании тела Ленина. Позднее стал директором Центрального научно-исследовательского института питания, вошел в число членов-учредителей Академии медицинских наук СССР, возглавлял Лабораторию биохимии рака. В 1952 г. он был арестован и осужден, но вскоре после смерти Сталина, за год до своей смерти, реабилитирован⁵.

Вениамин Михайлович Свердлов — младший брат Я. М. Свердлова. До рево-

⁴ Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987.

⁵ Бах Л. А., Опарин А. И. Алексей Николаевич Бах. М., 1957; Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М., 1979; Шестаковский А. Подвиг ученых // Правда 1989. 5 апреля.

люции жил в эмиграции в США, владел небольшим банком. В 1918 г. вернулся и некоторое время руководил Наркоматом путей сообщения, затем стал членом президиума ВСНХ, председателем президиума коллегии НТУ ВСНХ, заместителем председателя Всесоюзной ассоциации инженеров, секретарем ВАРНИТСО. В 1937 г. расстрелян⁶.

Но вернемся к документам тайного «Совещания № 1». В первом пункте его решения значится: «Общество содействия строительству социалистического хозяйства должно быть организовано в самое ближайшее время, текст декларации, а также список Инициативной группы должен быть тщательно отредактирован и пересмотрен (предложение тов. Вышинского)». Показательно, что в опубликованном тогда списке инициаторов А. Я. Вышинский и В. М. Свердлов отсутствуют.

В пункте 3 приоткрывались экономические мотивы и цели участников совещания: «Параллельно с организацией общества необходимо в дальнейшем укреплять материальную базу научных учреждений Наркомпроса, НТУ и других ведомств и вместе с тем ослаблять материальную базу Академии наук и к ней примыкающих».

Пункт 4 отражал некую «географическую» специфику. Исторически сложилось, что в Москве, где находились правительственные учреждения, Коммунистическая академия и многие ведомственные институты, политические позиции лидеров научного сообщества несколько отличались от преобладающих взглядов и настроений ученых Ленинграда, где доминировала Академия наук и роль интеллигенции традиционного типа была более заметна. Итак, пункт 4 гласил: «Считать необходимым укрепление Московского Научного Центра, связать его ближе с провинцией, которая настроена против Академии наук и к ней примыкающих». Известно, что провинциальные учреждения больше пострадали от гражданской войны и отставали, как правило, от столичных по уровню культуры (особенно в те годы), что и планировалось использовать для противодействия ученым Академии.

В записке В. М. Свердлова «Общее настроение ученых и технической интеллигенции», подготовленной для обоснования идеи общества, отмечался рост политической активности интеллигенции, начавшей осознавать свою роль в строительстве хозяйства страны. Однако ленинградские ученые ре-

шили противопоставить ВАРНИТСО Комитет по содействию индустриализации страны. В. М. Свердлов указывает также на записку, поданную 45 членами и ученым советом Геологического комитета его директору о пересмотре прав Геолкома (подчиняющегося НТУ ВСНХ). Что же касается Академии наук, то она «занимает явно правое крыло, стараясь сформировать и сгруппировать около себя крупные силы и создать мощную и сильную организацию...». Последние слова, видимо, предназначены вышестоящему руководству, от которого члены инициативной группы, как явствует из материалов, надеялись получить чрезвычайные полномочия для борьбы с опасным противником.

Тенденциозность В. М. Свердлова видна из его оценки отношения руководителей Академии к идее планирования: известно, что они пытались доказать руководству страны порочность этой идеи, но когда решение было принято и стало ясно, что его не изменить, стали сотрудничать с плановыми органами. В записке это квалифицируется как «несомненно двуличная политика Ферсмана и Ольденбурга» (запомним это).

Показав таким образом силу и коварство представителей Академии, В. М. Свердлов констатирует недопустимую слабость своих представителей в Ленинграде: «В Ленинградском отделении ВАИ (Всесоюзная ассоциация инженеров.— И. Т.) мы не имеем ни одного своего человека, а наше влияние на него чрезвычайно ограничено и слабо...»; «что касается политических группировок академиков, то близкими к нам мы можем считать академиков Марра и Иоффе и, может быть, еще некоторых, которые пока что себя не проявили».

Оценивая ситуацию, В. М. Свердлов предлагает: «Против создания Комитета содействия индустриализации страны необходимо организовать выступления в печати. Помимо статей необходимо дать директивы госорганам — не давать заданий этому комитету». В отношении Академии «программа и тактика на ближайшее время сводится к тому, чтобы: ослабить связь Академии наук с союзными республиками и автономными областями, вместе с тем изменить ее устав в вышеуказанном смысле», а именно «чтобы избрание академиков не находилось бы в зависимости от «бессмертных», а в нем принимали бы участие более широкие круги лиц». «Для укрепления Общества ученых и для укрепления научно-исследовательских правительственных учреждений — давать [им] в дальнейшем больше правительственных заданий».

Важен для понимания методов

⁶ Бажанов Б. Кремль, 20-е годы. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Огонек. 1989. № 39. С. 30.

ВАРНИТСО и другой документ, представляющий, видимо, проект решения ее инициаторов. В отношении ученых — «противников советской власти, тайно или явно враждебных социалистическому строительству», но умывших руки, не вмешивающихся в общественно-политическую жизнь и занятых по преимуществу своими «специальными научными и техническими интересами», рекомендовалось «использовать всячески ошибки и промахи руководящей верхушки этой группы для того, чтобы поколебать их авторитет не только за пределами их науки, но и внутри их специальности, поскольку их научный авторитет часто строится на рекламе и ложном гипнозе имен...» Предлагалось наносить «не прямой непосредственный удар по ней, но по их окружению и той массе, которая может их подерживать».

Как видим, эти рекомендации были выработаны уже в 1927 г., до «Шахтинского дела» (1928) и судебных процессов по делам «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро РСДРП» (1930—1931) и других, менее известных. Подобная тактика использовалась, например, в отношении В. И. Вернадского. Поскольку этого крупнейшего ученого невозможно было ни репрессировать, ни скомпрометировать, наносились удары по его окружению: в последующие годы высланы его сотрудник Л. С. Сергеевич, родственница Е. П. Супрунова, арестованы ученики и сотрудники Б. Л. Личков, А. К. Болдырев, В. В. Аршинов, Б. К. Бруновский, В. А. Зильберминц, А. М. Симорин, ближайший друг Д. И. Шаховской и многие другие.

Против ученых, менее полезных социалистическому хозяйству, считалось возможным применение любых методов: «В отношении лиц этой группы..., не обладающих высокой научной квалификацией,— прямая и открытая борьба вплоть до полного их морального уничтожения».

В 1927 г. член инициативной группы Е. С. Гендлер докладывал: «Некоторые инженеры меня спрашивают: что вы такое — филиальное отделение ГПУ, тогда так и скажите; если это партия, то почему вы не вступаете в коммунистическую партию — только потому, что вы не сможете получать тогда таких больших окладов, как теперь получаете (из-за партаксимама.— *И. Т.*). Если вы сочувствуете ВСЕМ начинаниям советской власти, то для нас вопрос ясен, мы себе представляли, что и партийцы сочувствуют не всем начинаниям ее, значит, вы большие партийцы, чем члены партии, а так может рассуждать только... отдел ГПУ».

ПРОЕКТ, ОДОБРЕННЫЙ МОЛОТОВЫМ

Процесс организации общества контролировался самими высокими представителями государства и партии. Среди архивных бумаг можно видеть текст декларации ВАРНИТСО с пометкой: «одобренный Молотовым» (председатель Совнаркома СССР). Сохранилась также копия письма от 16.06.27 Баха члену Политбюро Н. И. Бухарину, где говорится: «В дополнение к беседе, которую мы имели с Вами, когда Вы посетили наш Институт, посылаю Вам копию декларации и список лиц, подписавших ее... Не зная еще Ваших решений относительно нашего общества, мы принуждены пока воздержаться от осведомления широких кругов сочувствующих нашему делу». Скоро эти решения состоялись (по-видимому, на самом высоком уровне), и 15 октября 1927 г. декларация ОРНИТС (так вначале именовалось это общество, с 1928 г. переименованное в ВАРНИТСО) публикуется в «Правде» с восторженными комментариями.

В ходе подготовки к учредительной конференции инициаторы создания ассоциации развернули кампанию в печати, стали систематически выступать на собраниях научных коллективов. О реакции ученых они регулярно докладывали на заседаниях бюро инициативной группы. Из докладов ясно, что многие представители интеллигенции разобрались, к чему приведет создание этого общества.

Агитаторы общества старательно подчеркивали, что в декларации говорится о праве на критику мероприятий власти. Однако и это не помогало. Так, сотрудник Менделеевского химико-технологического института Н. А. Чичинадзе в ответе члену инициативной группы Опарину заявил, что планируемое общество — «это живая церковь и не будет пользоваться успехом, как не пользуется и первая, что интеллигенция за нами не пойдет, так как интеллигенция знает всех лиц, подписавших декларацию».

Однако вскоре в центральной печати начали публиковаться многочисленные резолюции коллективов и общественных организаций в поддержку создания ОРНИТС. Как иной раз создавалась такая поддержка, можно судить по свидетельству Гендлера. Он рассказывал, что соответствующая резолюция на пленуме ВМБИТа (Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников) «принята без всякого обсуждения, было заявлено: граждане, приехавшие с мест, предлагается вам принять следующую резолюцию, принятую уже Президиумом, и, если вы ее не примете, то этим вы выразите

недоверие Президиуму. Конечно, такая постановка вызвала тяжкое впечатление. Даже партия теперь не прибегает к таким мерам, а если мы говорим, что представляем собой партию, то это и вовсе создает недоуменное представление». Гендлер еще не понимал, что подобные методы становятся повсеместными.

Этого не понимали многие, в том числе профсоюзные деятели, которые встретили создание ВАРНИТСО с недоумением. «Не надо ОРНИТСО, достаточно профсоюза,— говорили Збарскому в Центральном Бюро Секции научных работников Профсоюза работников просвещения.— Профсоюз есть школа коммунизма. Он уже 10 лет переваривал интеллигенцию и давно всех переварил, а теперь приходят те, кто не работал в организации, и хотят делать ту работу, которую 10 лет делали мы».

Но организационное ядро ВАРНИТСО и тех, кто стоял за ними в партийном аппарате, не устраивала эта позиция или позиция многих членов партии — работников науки, которые считали, «что все обстоит благополучно, что среди интеллигенции нет людей, враждебных социалистическому строительству... что надо интеллигенцию больше втягивать в активную работу... не стоит раздражать их, обостряя вопросы... что заводить общество, которое не старается объединить всей массы интеллигенции, а, наоборот, даже стремится ввести водораздел и некоторую борьбу с частью этой интеллигенции,— не следует».

Аппарату нужны были люди, которые занялись бы поиском врагов и их уничтожением. Эту задачу должна была выполнить ВАРНИТСО. После публикации обращения и его поддержки центральной печатью многие ученые решили, что создается очередная массовая организация, и посыпались предложения о вступлении в нее целыми коллективами. Поэтому Бах вынужден был разъяснить в печати, что инициативная группа придает особое значение четкости идейной и политической позиции вступающих в новое общество и что прием в него будет строго индивидуальным. Формировался еще один воинствующий орден.

Тем временем сталинский курс внедрялся все жестче. Открывшийся 2 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б) признал необходимым «особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте», отметил «враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои служащих и интеллигенции». 21 февраля 1928 г. Устав ВАРНИТСО утверждается на объединенном заседании СНК СССР и Совета труда и обо-

роны. Затем созывается первая конференция ВАРНИТСО (23—26 апреля 1928 г.), которая обсуждает доклад Б. И. Збарского «Интеллигенция и социалистическое общество», О. Ю. Шмидта «О роли высшей школы в социалистическом строительстве», деятельность инициативной группы и задачи ассоциации, а также избирает президиум ВАРНИТСО во главе с Бахом. Ученым секретарем стал Збарский, а затем его сменил В. М. Свердлов.

Организация отделений ВАРНИТСО шла по всей стране. 10 мая 1928 г. отделение ВАРНИТСО было создано в Ленинграде. Проходивший в эти же дни (в мае — июле) в Москве судебный процесс над группой специалистов, обвиняемых во вредительстве, так называемое «Шахтинское дело», еще более активизировал деятельность ВАРНИТСО и помог ассоциации выйти из кризиса, о котором упоминалось в передовой первого номера журнала «ВАРНИТСО»: «...первые шаги деятельности ВАРНИТСО показали, что обстановка работы Ассоциации более трудна, чем можно было бы предположить. Самый факт создания Ассоциации произвел расхождение в среде интеллигенции, и правая часть ее повела борьбу с ВАРНИТСО, угрожая служебному положению и научной работе членов Ассоциации. Ряд лиц, отчасти из боязни политически отмежеваться от правых, ушли из Ассоциации. Часть оставшихся, не находя форм конкретной работы, предалась сомнениям. Пришлось в многочисленных заседаниях, дискуссиях и спорах выковывать основные методы предстоящей работы ВАРНИТСО»⁷.

Неудивительно, что часть интеллигенции, разобравшись в сути дела, ушла из ассоциации. Что же касается угроз деятелям ВАРНИТСО, то из последующих событий ясно, что смертельному риску подвергался именно тот, кто выступал против ВАРНИТСО.

Напомним, что на съезде ученых в 1929 г. некоторые делегаты, в частности директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов, высказались за роспуск ВАРНИТСО. Эти выступления были признаны ошибочными. Правда, Рязанова арестовали лишь в 1931 г. Он был исключен из партии, из членов Академии наук СССР и Комакадемии, отправлен в ссылку и в 1938 г. расстрелян⁸.

А кризис ВАРНИТСО, наметившийся в первые месяцы его существования, раз-

⁷ Социалистическое строительство и ВАРНИТСО (передовая) // ВАРНИТСО, 1929. № 1. С. 1—2.

⁸ Смирнова В. А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов // Вопр. истории КПСС. 1989. № 9. С. 71—84.

решился во многом благодаря Шахтинскому процессу. Судя по тому, что мы узнали о методах деятельности ГПУ и учитывая к тому же неизвестную ранее причастность Вышинского к организации ВАРНИТСО, а также то, что этот факт скрывался, можно предположить, что сроки мероприятий по формированию ВАРНИТСО и политических процессов координировались, чтобы сломить сопротивление «правых» всем комплексом методов.

В 1929 г. в ВАРНИТСО состояло 766 членов. Насчитывалось 24 губернских и областных отделения. В Московское отделение (председатель президиума А. А. Ярилов, ответственный секретарь Б. А. Дунаев) входил 231 человек. В Ленинградском (председатель — профессор В. И. Коваленков, секретарь — инженер А. И. Омельченко) числилось 84 человека.

«СУЕТА» АКАДЕМИКОВ «СОВЕТСКОГО ПОШИБА»

Одной из главных задач ВАРНИТСО было подчинение Академии наук влиянию «левых». В Академии, возглавлявшейся геологом А. П. Карпинским, наиболее активными деятелями были востоковед С. Ф. Ольденбург (непременный секретарь) и геохимик А. Е. Ферсман (вице-президент). Среди академиков они считались «левыми», а среди лидеров ВАРНИТСО — «правыми». В письме сыну-эмигранту, направленном из-за границы, т. е. минуя цензуру, Вернадский пишет, что часть академиков «считает политику Ольденбурга — Ферсмана ошибочной, слишком уступчивой и идущей на ненужные компромиссы»⁹.

Иначе смотрел на это В. М. Свердлов: «В последнее время в связи с выбором вице-президентом Академии академика Ферсмана начинает проявляться большая активность Академии наук, а в связи с тем, что после юбилейных торжеств (200-летия Академии.— И. Т.) ей была создана широкая популярность и она получила возможность непосредственных сношений с президиумом ЦИК союзных республик и автономных областей,— ее значение в стране несомненно выросло. Есть стремление к монополии по организации экспедиций, международных выступлений от имени советской науки, организации международных съездов...»

Весьма красочно выразил свое отношение к Ольденбургу и Ферсману А. В. Лу-

начарский: «...на противоположном полюсе скапливались в Академии силы реакционные. С неудовольствием и исподлобья следили они за «суетой» академиков «советского пошиба». Они были им неприятны, они казались им чуть ли не изменниками, но с их изменой мирились, потому что от этого получалась как раз известная гарантия существования Академии и известные реальные блага. Такие дипломаты Академии более или менее искренне в поте лица своего зарабатывали хлеб насущный не столько для себя, сколько для самой Академии. Они ежечасно находились между молотом и наковальней: с одной стороны, нужно говорить как можно более советским языком, показать как можно сильнее единство еще не реформированной Академии с общими тенденциями культурной работы в нашей стране; а с другой стороны, не оскорбить своих зубров, которые фыркали горделиво на сдачу позиций пришедшему хаму»¹⁰.

Поводом для атаки на Академию послужили выборы ее членов, состоявшиеся в декабре 1928 — феврале 1929 г., когда три кандидата-коммуниста, успешно прошедшие голосование в избирательных комиссиях и отделениях, не получили необходимого количества голосов. Это было расценено как вероломное нарушение предварительной договоренности с правительством.

На заседании ВАРНИТСО Бах рассказывал, как уже после выборов академик И. П. Павлов заявил, что «выбирать в Академию надо мировые величины, а не рядовых людей, какими, без сомнения являются кандидаты в Академию: Деборин, Лукин, Фриче». Его поддержал китаевед В. М. Алексеев, отметил, что все работы этих трех кандидатов можно прочитать в газетах. Им противостоял сам Бах, только что избранный академиком, который указал, что «Академия приняла на себя обязательства перед правительством, которые не выполнила... и невыполнение обязательств приведет Академию к банкротству». На замечание о том, что перевыборы — это нарушение устава, он ответил: «Лучше нарушить устав, чем быть банкротами».

Предложение Баха о перевыборах поддержали академики С. Ф. Ольденбург, Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе. По решению Общего собрания Академии, ее Президиум обратился в СНК СССР с просьбой разрешить повторное голосование. «Положение было совершенно неустойчиво: быть или не быть Академии,— сообщал по этому поводу

⁹ Вернадский В. И. Пять «вольных» писем к сыну // Минувшее. 1989. № 7. С. 424—430.

¹⁰ Луначарский А. В. «Неувязка» в Академии наук // Известия ЦИК. 1929. 5 февраля.

сыну Вернадский,— в жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения... так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы».

Перевыборы упомянутых кандидатов были разрешены правительством, причем в голосовании предстояло участвовать и вновь избранным академиком. 13 февраля 1929 г. А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче стали членами Академии. Несмотря на эту уступку властям, подчеркивал Вернадский, «принцип: научное значение кандидатов на первом и включ[ительном] кандидате в общем победил. Исключив в себя огромную часть выдающихся людей страны, связанных фактически со всей госуд[арственной] машиной, Акад[емия] приобрела такой реальный вес, какого никто не ожидал и которого она сама еще не учитывает».

В том году было избрано 42 академика, среди них — видные ученые и крупные организаторы науки. В их число вошли Н. И. Вавилов, Н. Д. Зелинский, А. Е. Чичибабин, В. А. Обручев, М. А. Мензбир, а также Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, М. М. Покровский.

Кампания в печати против Академии имела своим результатом не только исправление результатов выборов, поэтому о ней стоит сказать подробнее. Она началась статьей, напечатанной в «Правде» и в «Ленинградской правде» 25 января 1929 г. Ее автор Ю. Ларин среди прочего писал, что Академия «не пустое украшение государственной машины, а одна из важнейших ее частей... результаты выборов заставляют присмотреться внимательнее и проверить, в чьих руках находится до сих пор этот громадный, важный аппарат... По старой поговорке «гром не грянет, мужик не перекрестится»... мы не столько собираемся «креститься», сколько «крестить» других».

События развивались по уже привычной к тому времени схеме. Собрания трудящихся поддерживали предложения, выдвинутые в статье члена Коммунистической Академии тов. Ларина «Академики и политика», осуждали блок некоторых новых академиков с реакционерами, требовали организовать широкое обследование деятельности Академии, пересмотреть ее устав. В газетах на протяжении двух месяцев печатались материалы специальной рубрики «Советская общественность требует коренной реорганизации Академии наук». Публиковались фельетоны, в которых сообщалось, кто из членов Академии является денкинцем, принял буддизм, награжден орденом на

аудиенции у папы римского, муссировались и другие подобные «факты».

«Академия», писал А. В. Луначарский в «Известиях ЦИК»,— должна была понимать, что она держит экзамен на то... насколько способна выдержать довольно трудную операцию ее советизации». Он ставил вопрос о радикальной реформе Академии.

Естественно, что ВАРНИТСО играла огромную роль как в подготовке выборов, так и в мобилизации общественного мнения после них. На заседании ВАРНИТСО от 3 февраля 1929 г. Вышинский предложил записать в решение, что «попытка правительства изменить лицо Академии, пополнив ее новыми силами, оказалась неудачной и не дала того, что надо Союзу».

Через день в «Правде» и «Известиях» появилась резолюция ВАРНИТСО, касающаяся Академии: «Академия наук в настоящее время еще находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности. Благодаря этому, при наличии крупных работ отдельных академиков, она не сумела связать свою работу с нуждами и потребностями социалистического строительства и не является организацией, руководящей научной жизнью Союза. Творческая научно-исследовательская работа после Октября пошла в значительной мере мимо Академии наук. ВАРНИТСО считает необходимым настаивать на полной реорганизации Академии наук. Устав Академии наук, ее состав, а также ее роль и место в общей системе научной работы Союза должны быть поставлены на обсуждение широкой общественности».

После того, как пропаганда ВАРНИТСО, Шахтинский процесс и раздувание инцидента с выборами накалили общественное мнение, Наркомату Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) было поручено организовать чистку Академии наук. Весной 1929 г. туда была направлена комиссия во главе с членом коллегии РКИ Ю. П. Фигатнером (в будущем главным кадровиком Наркомтяжпрома). О начале проверки он рассказывал в печати: «Я видел много засоренных аппаратов, но такого, как в Академии наук, никогда. Мы проверили 269 человек. Проверку остальных пришлось отложить до второй половины октября, так как около 400 человек находятся в отпусках или участвуют в экспедициях. 78 человек мы сняли с работы единогласным решением комиссии, из них 26 человек по первой категории» (т. е. без права приема в советские учреждения)¹¹.

Параллельно с этим комиссия искала

¹¹ Известия ЦИК. 1929. 4 сентября.

«компромат» против неугодных руководителей Академии. И, естественно, нашла. В Библиотеке АН СССР, Пушкинском доме и других учреждениях были обнаружены «опасные» политические документы, в том числе оригиналы отречений Николая II и Михаила Романова, документы ЦК партии кадетов. Фракция академиков-коммунистов сочла этот факт «достаточным для уличения Ольденбурга в крупных упущениях». Распоряжением правительства неперемный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург был отстранен от должности. Его заменил академик В. Л. Комаров, организатор отделения ВАРНИТСО на Дальнем Востоке. Вице-президент академик А. Е. Ферсман подал в отставку, которая была принята.

Таким образом, были реализованы два кадровых изменения, намеченных создателями ВАРНИТСО еще в 1927 г. В результате подобной же «проверки», проведенной РКИ в 1928—1929 гг., вынужден был подать заявление об отставке директор Геологического комитета Д. И. Мушкетов. Можно считать, что претензии к Геолкому, высказанные в записке В. М. Свердлова в 1927 г., также были удовлетворены.

КРАСНЫЙ ДИРЕКТОР В РОЛИ СТРЕЛОЧНИКА

Логику последующего террора против науки формировали все более жесткие требования. «...Большой общественный слой, каким являются специалисты, несет перед историей чересчур большую ответственность для того, чтобы он мог оказаться просто в нетях», — писал в 1930 г. К. Б. Радек¹². В подтверждение лояльности нужны были уже не только слова, но и определенного рода действия. Противоречивость «установок» на этот счет усиливала гнет психической атаки.

В апреле 1928 г. на диспуте «Культурная революция и научные работники» Луначарский заявил: «Мы имеем многочисленных случаи, в которых специалисты исполняют приказания, зная, что они неправильны, и при этом говорят: «а мне что за дело?» Это есть, в сущности говоря, саботаж. Если специалист видит, что администратор делает глупости, и ему, специалисту, это ясно, но он об этом не говорит, то он — саботажник. Это ясно. Под категорию таких работ можно подвести очень многое: всякие экспертизы, открытия и усовершенствования, лаборатор-

ные работы, направленные на то, чтобы развернуть ту или иную область науки»¹³.

В том же году на общегородском собрании инженерно-технических работников Москвы лидер ВАРНИТСО Бах дал противоположную оценку такой схеме действий: «Инженерство сваливает вину на недостатки системы, на вмешательство хозяйственного руководителя в техническое руководство предприятием. Красный директор фигурирует теперь в роли того легендарного стрелочника, который виноват во всех крушениях поездов». Сравнение поразительное. Чтобы выдавать директора за «стрелочника», а ответственность перекаладывать на подчиненного ему специалиста, нужно было иметь поистине «вывернутую логику».

В конце концов была выработана единая установка. В мае 1930 г. президиум Московского отделения ВАРНИТСО утвердил рекомендации по общественным методам борьбы с вредительством, производственным и идеологическим. Последнее выразилось в «распространении с кафедры вузов, в учебной и научной литературе теорий, либо враждебных марксизму (идеализм во всех его разновидностях), либо его фальсифицирующих»¹⁴. Понятно, что толкование того, что враждебно марксизму, а что нет, брали на себя сами лидеры ВАРНИТСО и те, кто руководил ими. Рекомендовалось также организовывать общественные суды.

Через месяц журнал «ВАРНИТСО» опубликовал циркулярное письмо центрального бюро «К борьбе с вредительством». А к концу года уже писал: «Представляет совершенно бесспорным, что политическое и всякое иное перевоспитание вредителей — задача априорно бесполезная, чтобы не сказать вредная, как питающая различные иллюзии от толстовских и вплоть до дон-кихотских. Единственный способ обращения с вредителями — не проповедь обращения, но изоляция — и физическая, и общественная. Задача ВАРНИТСО здесь — не в заклеивании обнаруженного вредительства... но в предупреждении и сигнализации вредительств назревающих. Первое для этого условие — максимальная зоркость и неослабная бдительность. Брошенный одним из членов нашей Ассоциации (проф. Збарским) на совещании работников здравоохранения крылатый лозунг — в деле раскрытия вредительств «вызвать на соревнование

¹² Радек К. По ту или другую сторону баррикады // ВАРНИТСО. 1930. № 7—8. С. 5—11.

¹³ Луначарский А. В. Проблемы культурной революции // Науч. работник. 1928. № 5—6. С. 14—25.
¹⁴ Общественные формы борьбы с вредительством (тезисы) // ВАРНИТСО. 1930. № 5. С. 89.

ОГПУ» отнюдь не является ни красным словом, ни тем более парадоксом»¹⁵.

Этому учили на примерах. «Энтузиасты», пытавшиеся создать отделение ВАРНИТСО в ГИПРОМЕЗе (Государственный институт по проектированию металлургических заводов) и не получившие поддержки коллектива и месткома, опубликовали в газете статью о вредительстве в институте. Статья вызвала бурю негодования. На пленуме месткома такие методы были признаны недостойными. Эту позицию поддержали члены ВКП(б). «Вскоре после этого ОГПУ групповыми арестами ряда инженеров ГИПРОМЕЗа дало подтверждение приведенной заметке»¹⁶. Ячейка ВАРНИТСО в этом институте была незамедлительно организована. Происшедшее было отражено на страницах журнала «ВАРНИТСО».

Так постепенно формировался парализующий страх террора. Поэтому репрессии 1936—1937 гг. не вызвали открытых протестов со стороны подавляющего большинства ученых. В этом повинны организаторы и проводники агрессивных действий ВАРНИТСО. Но, конечно, далеко не все члены пресловутой ассоциации. Большая часть из них не могла знать всего, что определяло ход событий, а тем более точно предсказать результаты. Многие надеялись, что ВАРНИТСО может стать обществом ученых, способным повлиять на государственный аппарат, изменить его деятельность к лучшему, тем более что официально провозглашался научный подход к построению нового общества.

В архивной описи сохранилось название (текст уничтожен) доклада Л. А. Шепеля «Всенародное содружество — внесударственное и внеисповедное — во имя науки и совести». Таким хотел видеть ВАРНИТСО автор, и, вероятно, не он один.

Ученые постоянно пытались повернуть ВАРНИТСО на конструктивный путь. В 1929 г. отделение ВАРНИТСО в Ленинграде возглавил Н. И. Вавилов, в его состав вошли известные ученые, и, естественно, политика этой части ВАРНИТСО была более мягкой.

В декабре 1930 г. коллектив (ячейка) ВАРНИТСО был создан в преобразованной Академии наук. Ольденбург после демонстративного снятия с поста неперменного секретаря продолжал бороться за Академию. В январе 1931 г. он вступил, несмотря на противодействие, в ячейку ВАРНИТСО в Ака-

демии (он смог удержаться в составе ВАРНИТСО и во время чистки 1931 г.). Ферсман, выступая перед собранием Ленинградского отделения ВАРНИТСО, призвал решать актуальные проблемы, стоящие перед советской наукой, встать на позитивный путь реального содействия строительству социализма и ставил перед ВАРНИТСО конкретные задачи.

«ПОБОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ И ЗАБОТЫ» К СТАРЫМ СПЕЦИАЛИСТАМ

В июне 1931 г. была опубликована статья Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», призванная сыграть роль, похожую на ту, которую имела статья «Головокружение от успехов» в истории коллективизации. Одним из шести условий развития промышленности значилось: «Изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе — такова задача». Политика подавления научной интеллигенции не была отменена, но была смягчена и некоторое время продолжалась другими методами.

Накал страстей в стране понемногу спал. Преобразованная Академия (дважды менялся ее устав) уже сотрудничала с ВАРНИТСО, потерявшей часть боевого пыла. В 1932 г. в редакцию журнала «Фронт науки и техники» (совместный орган ВАРНИТСО и профсоюза работников высшей школы и научных учреждений) вошли Ольденбург и Ферсман. В 1933 г. в ВАРНИТСО насчитывалось 15 тыс. членов, и ее ряды продолжали расти. К этому времени она перестала быть организацией узкого круга экстремистов, значение ее размывалось. Однако уже приближалось убийство Кирова и последовавшая за ним новая гигантская волна кровавых репрессий, которая поглотила много и рядовых членов ВАРНИТСО, и ее организаторов.

Точная дата исчезновения ВАРНИТСО неизвестна. В справке Центрального архива народного хозяйства СССР приводится только конечная дата имеющихся документов — 20 марта 1937 г. Кроме того, авторство многих документов этого фонда установить можно только косвенно, подписи под ними отрезаны — автографы «врагов народа» подлежали уничтожению (возможно, были и другие причины). Это затрудняет предъявление персональных обвинений активистам ВАРНИТСО.

Рядом с названиями многих архивных документов по причине, аналогичной указанной выше, стоит штамп «выбыло». Это также,

¹⁵ Коровин Е. «Ученые» вредители и задачи ВАРНИТСО. // ВАРНИТСО. 1930. № 9—10. С. 22—23.
¹⁶ Зильберталь. ВАРНИТСО в ГИПРОМЕЗе // ВАРНИТСО. 1930. № 9—10. С. 81.

в свою очередь, не позволяет воздать должное всем тем, кто мудро и самоотверженно отражал атаки ВАРНИТСО и не позволил ей и ее хозяевам сломить Академию в решающий для ее судьбы «год великого перелома», в значительной мере предопределив ситуацию 1936 г., когда не Академия наук была присоединена к Коммунистической академии, а учреждения последней были переданы в систему АН СССР.

И сейчас, обсуждая сложную ситуацию в нашей Академии, нужно учитывать весь

пережитый ею опыт, не умаляя ее заслуг. «В нынешнем виде Академия наук СССР не нужна. Слишком скомпрометировали себя большинство ее членов в прошлом, порочным был порядок их выборов» — эта недавно прозвучавшая фраза¹⁷ как будто списана из резолюций ВАРНИТСО. Поэтому давайте, не покушаясь на разрушение старого дома, пытаться строить рядом другие. Лучше они будут или хуже — покажет время.

¹⁷ Х а н и н Г. И. Почему пробуксовывает советская наука? // Постигение. М., 1989. С. 167.